

вопрос: ...

в Москву?

ответ: с 1915г. Уро

вопрос: Где вы проживали и чем занимались до приезда в Москву?

ответ: 13 Бомбей, учился в гимназии

вопрос: Кто были ваши родители?

ответ: отец - купец, мать - домохозяйка

вопрос: Кто из ваших родственников и знакомых был арестован заграничницей?

ответ: Отец из ваших родственников и знакомых заграничницей?

вопрос: Кто из ваших родственников и знакомых заграничницей?

ответ: Родственников и знакомых заграничницей не было.

вопрос: В каких партиях или политических организациях вы состояли?

ответ: В партиях и политических организациях никогда не состояла. Уро

вопрос: Кто из ваших родных и знакомых арестовывался органами Советской власти?

ответ: Кроме меня никто не арестовывался органами Советской власти. Уро

вопрос: В каком времени вы были за границей?

ответ: В 1924 году. Уро

вопрос: За что арестован ваш отец?

ответ: За то арестован ваш отец.

вопрос: За что арестован ваш отец?

ответ: За то арестован ваш отец.

вопрос: За что арестован ваш отец?

ответ: За то арестован ваш отец.

Музей
истории
ГУЛАГа

ФОНД
ПАМЯТИ

автор-составитель, художник

Леонид Григорян

куратор проекта, ответственный редактор

Мария Бронская

куратор проекта, художественный редактор, дизайн

Наташа Маркина

корректор

Татьяна Дека

| кусочек
| мыла

В январе 2020 года в Музее истории ГУЛАГа открылась экспериментальная лаборатория «Отпечатки».

Ее участники, творческая группа подростков, исследовали личные архивы репрессированных, хранящиеся в Музее.

На основе документального материала они создали три собственные книги: «История нескольких писем»,

«Кусочек мыла», «Еще мы любили танцевать...».

Леонид Григорян, автор книги «Кусочек мыла», работал с воспоминаниями, письмами, дневниками семьи Гросблатов.

Москва, 2020

В этой книге рассказана история одной семьи. Таких семей со схожей судьбой в СССР были тысячи — репрессии могли коснуться каждого.

«Адам Самойлович Гросблат родился в 1897 г. в Варшаве, которая тогда еще входила в состав Российской империи. Когда пришла пора, его призвали в армию. Но после революции 1917 г. империи не стало, и он оказался уже в польской армии, хотя и в том же самом полку. Служил еще два года, а в 1922 г. нелегально перешел границу и по своей доброй воле стал гражданином Советской России.

Два года спустя он женился на Евгении, тоже уроженке Варшавы, но жившей с родителями в Москве с 1915 г. Молодые поселились на улице, названной именем революционера Ивана Каляева. Адама Самойловича на работе ценили, он дослужился до должности заместителя заведующего ОТК на Электрозаводе имени В. В. Куйбышева.

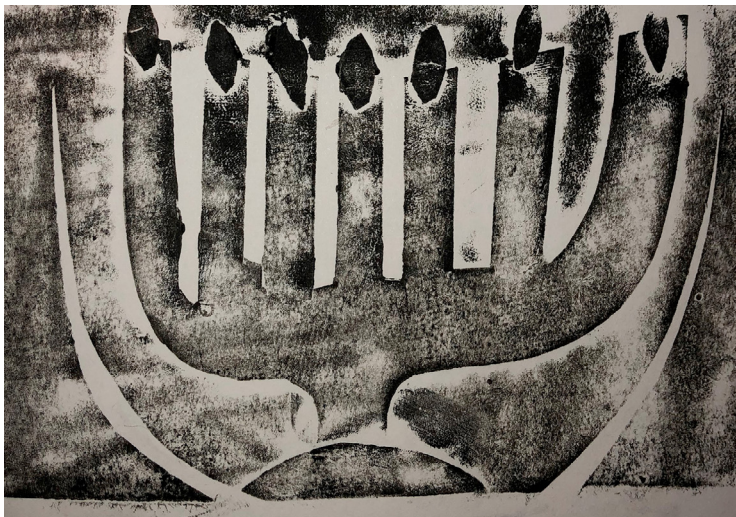
Но в 1937 г. его биография не могла не показаться подозрительной, ведь на каждом шагу велся поиск врагов» — так начиналась статья в «Российской газете» от 15 января 1999 г., повествовавшая об истории семьи Гросблатов.

ГМИГ КП-705 ПП-22. «Российская газета» от 15.01.1999 г.
со статьей о А. С. и Е. С. Гросблат.

Адам Гросблат был арестован 20 августа 1937 г. «по доносу о вредительстве и срыве стахановского движения» и приговорен к 10-ти годам ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). Его жена Евгения Соломоновна, заметив слежку, сама решила поехать на Лубянку, где была арестована и осуждена как «член семьи изменника Родины» и направлена в Соликамск. Адам Гросблат был этапирован на Колыму, где работал на золотых приисках.

Семейное фото

Менора

А со мною как все произошло? Предполагал ли я, что попаду туда же? Тревожно было. Все боялись, и я боялся. Но ведь здравый смысл прошлого подсказывал, что только виновных бьют, в этом вся трагедия. Слышны были крики на бойне, но не верится, что и твоя очередь наступит. А были крики, были сигналы? Были. В 1936 году Молотов писал: «Пятая колонна проникла во все страны; ведет вероломные подкопы. Иностранные державы уничтожали у себя врага на 30–50%. А вот в Советском Союзе пятая колонна ликвидирована полностью. На 100%. Иначе быть не может. У нас все делается радикально». И вот на тебе: **я оказался тоже членом пятой колонны!** («Пятая колонна» — термин, появившийся в ходе гражданской войны в Испании в октябре 1936 г. для обозначения тайных сторонников генерала Франко в тылу республиканской армии. Благодаря международному участию в испанской гражданской войне термин очень быстро стал общеупотребительным для обозначения групп населения, подозреваемых в симпатиях к противнику.)

Каким образом? Да очень просто. Где-то там наверху решили: враг угрожает слева и справа. Но есть еще враги снизу, кто они? Могут быть среди иностранцев, прибывших после революции? Могут. Так давайте их искать. Искать и выявлять. Это требует умения, знания, ловкости и терпения. Чего проще — изолировать всех подряд. Уж наверняка вместе с карасями и щука попадетсЯ. Сказано — сделано. И сел этакий мудрец и издал приказ. И пошли составлять списки «иностранцев». По домам, по заводам, по предприятиям. Первое дело сделано. А второе дело — найти повод. Это уже дело ловкости, со мной особенно не церемонились. Подпустили несколько «шавок» и начали за пятки хватать. Получив удар по носу, залились щенячьим визгом. Вот и повод готов. В результате увольнение «по собственному желанию». Отверженный! Устроиться невозможно, никто не берет, хоть с голоду подыхай. Месяца два поиграют с тобой, а затем... затем приходят ночью и забирают. Просто и удобно, вот как делали политических преступников.

ГМИГ КП-691 Д-301. Воспоминания Гросблата А.С. 1960-е гг.

Сердце

20 августа 1937 года

Увезли Адама...

Приехала мама, мы с Ирочкой (Ирочка — Ирина Адамовна Гросблат, дочь Адама и Евгении) **уехали с дачи. Квартира запечатана. Про меня спрашивали в домуправлении. Я оставила записку — куда позвонить. Ответили: «Раньше придете — раньше квартиру откроем».** (Тем самым, опечатывая квартиру, лишая места жительства, вынуждали явиться на допрос.) **На даче соседи говорили: «Вас поджидают с красным околышком».** (Фуражка с красным околышем — часть формы сотрудника госбезопасности).

Я боялась, что возьмут за меня маму... и... пошла с Госпитального, поехала трамваем до Сретенских ворот. Пошла по Большой Лубянке в мамином зимнем пальто, ботинках, с узелком, зная, что ничего нельзя будет передать. Было это 17 сентября.

С Большой Лубянки меня послали на Малую Лубянку (самое сердце ГПУ). (На Большой Лубянке находилось здание Главного управления госбезопасности НКВД СССР.)

Там я шла бесконечными безмолвными коридорами и попала им прямо в лапы. «Вы арестованы» — у меня волосы вроде зашевелились на голове. Я хоть была готова к этому, но лишь теоретически. Потом повели вниз к какому-то следователю, который меня убеждал: «У вас дома велись контрреволюционные разговоры, вы знали и не донесли». (В УК РСФСР существовала статья о недонесении 58-12: «Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой лишение свободы на срок не ниже шести месяцев».)

Я сказала: «Мне некогда, у меня ребенок». Повели в какой-то коридор. Я сидела на дощатой скамейке. Мужчин при мне вызывали по одному и забирали у них документы.

Д а ч а

Затем меня вызвали на допрос.

Показания обвиняемого: Гросблат Евгении Соломоновны.

Вопрос: С какого времени вы проживаете в Москве?

Ответ: с 1915.

Вопрос: Где проживали и чем занимались до приезда в Москву?

Ответ: В Польше, училась в гимназии.

Вопрос: Кто были ваши родители?

Ответ: Отец служащий, мать домохозяйка.

Вопрос: Кто из ваших родственников и знакомых проживал или проживает за границей и какую связь вы с ним имеете?

Ответ: Родственников и знакомых за границей не имею.

Вопрос: В каких партиях или политических организациях вы состояли?

Ответ: В партиях и политических организациях никогда не состояла.

Вопрос: Кто из ваших родных и знакомых арестовывался органами советской власти?

Ответ: Кроме мужа никто не арестовывался.

Вопрос: С какого времени вы были замужем за Гросблатом Адамом Самойловичем?

Ответ: С 1924 года.

Вопрос: За что арестован ваш муж?

Ответ: За что арестован мой муж, мне ничего неизвестно.

Вопрос: Следствие располагает материалами о том, что при собраниях у вас на квартире в вашем и вашего мужа присутствии велись разговоры контрреволюционного характера. Подтверждаете ли вы это?

Ответ: Собрания у меня на квартире не было.

Вопрос: Что вам было известно о контрреволюционной работе вашего мужа?

Ответ: Ничего не было известно.

Вопрос: Вы разделяли его контрреволюционные взгляды?

Ответ: Нет, я этого не подтверждаю.

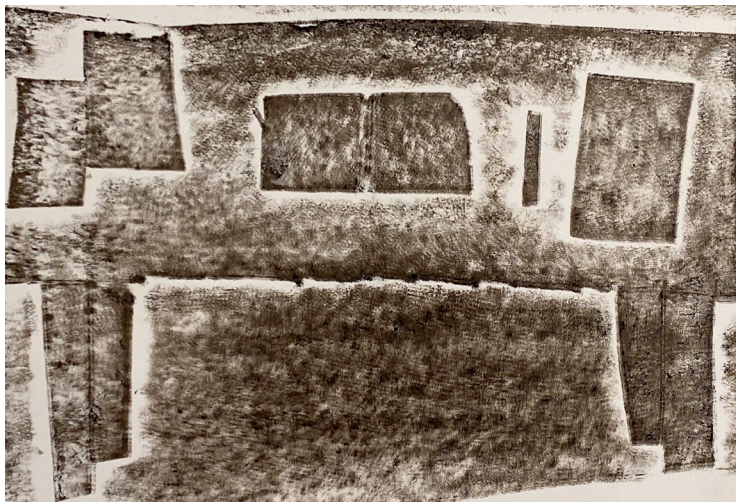
Вопрос: Каким было ваше участие в контрреволюционной работе?

Ответ: Никакого участия не принимала.

Вопрос: Вы обвиняетесь в том, что проживая с вашим мужем, разделяли его контрреволюционные взгляды, не сообщали соответствующим органам и сами занимались данной деятельностью, признаете ли вы себя виновной?

Ответ: Нет, виновной не признаю.

ГМИГ НВ-151. Ксерокопия текста допроса Гросблат Е.С. от 17.09.1937 г.

Д о п р о с

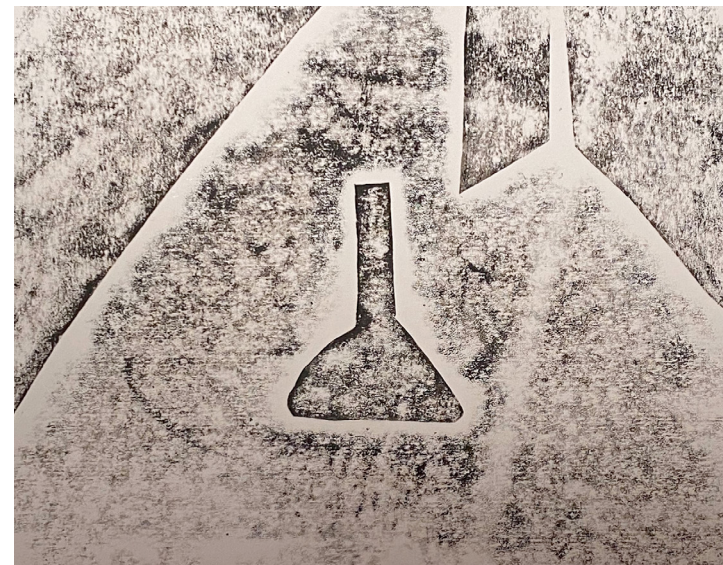
Едем по Петровке. Публика спокойно гуляет, не подозревает, что меня ни за что изъяли из жизни. Приехали в Бутырку.

(Бутырка — Бутырская тюрьма, один из самых крупных следственных изоляторов в Москве.)

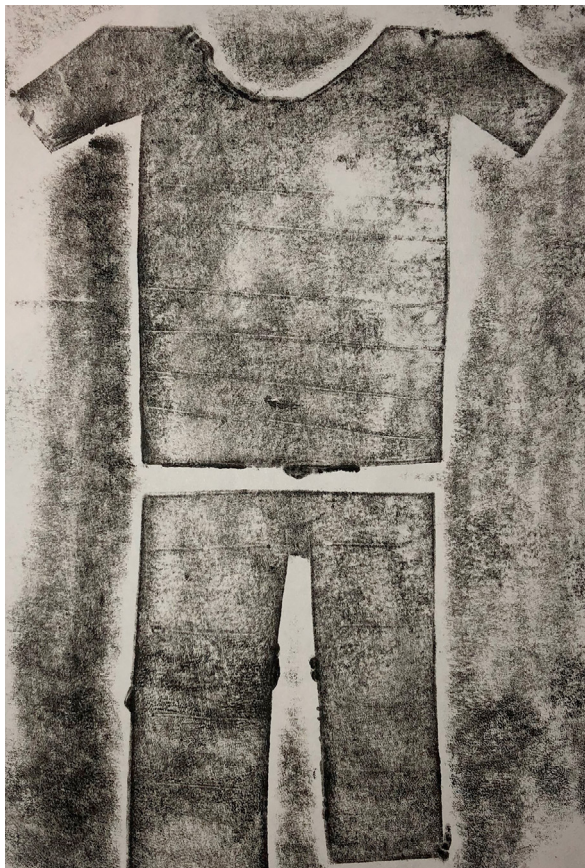
Железные двери открыты для нас. Меня поместили в какой-то «собачник» — наверное, полметра длины, и узенький. Потом пришла за мной женщина и повела по коридору. Открываю дверь и меня вталкивают. Я спрашиваю: «Куда идти?» Так как к двери вплотную приставлена «параша» (параша (жарг.) — ведро в тюремной камере, использовалось как туалет), я могла встать только на ее крышку. Слезла, а идти некуда. Нигде не видно места. Я всю ночь простояла на коленях, так как вытянуть ноги, чтобы лечь или сесть, было негде.

И пошли дни. Утром «оправка» (оправка (жарг.) — приведение в надлежащий вид камеры), потом «прогулка». На ночь по всему полу клали деревянные щиты, и все вплотную друг к дружке ложились под команду старосты: «Сделайте выдох и ложитесь». Днем иногда ухитрялись друг к другу подойти. Прогулки, как известно, по четырехугольному дворику вокруг. На обед приносили ведро рыбного супа. Когда водили в баню, там и стирали. Одна молодая медичка все с себя постирала, а ее вызывают на допрос. Пришлось ехать. Она требует куртку, иначе не пойдет. После долгих торгов бросают куртку ей в ноги. Многие в босоножках, в жакеточках.

Повезли в «вороне» (черный воронок (жарг.) — автомобиль для перевозки арестованных) мимо нашего дома. Привезли на какие-то заброшенные пути Ярославского вокзала, на улице стоят столы, за ними наши «инквизиторы»: «Я называю фамилию, а вы говорите: имя, год рождения, статья». После этого священнодействия повели к вагонам. По обеим сторонам от нас стрелки и овчарки. Перед поднятием в товарный вагон надо присесть на корточки (чтобы им было видно, что мы не разбежались). В вагоне было 40 жен и 6 «урок» (урки (жарг.) — воры), жены некоторые к ним «подъезжали», заодно с ними пели песни:

К о р и д о р

Р о б а

Разлучили жен с мужьями,
Оторвали от детей.
На Юг, на Север разогнали —
Подальше от живых людей.
Морем женских слез и детских
Затопили всю страну,
Жен врагами объявили —
Неизвестно почему.
Тревожно в тюрьмы провожали
Большевиков — своих мужей
И, волнуясь, лишь шептали:
«Возвращайся поскорее!
Разберутся и отпустят,
Будем вместе мы опять.
Ведь невинных не сажают
Лет на 20–25».
Но напрасны те надежды —
Осудили всех мужей.
Молот тяжкий опустился
На жену и на детей.
Обидно, горько плачут жены
В Сибири и в Караганде.
Ты, страна моя родная!
Где закон? И правда где?!

ГМИГ КП-704 Д-312. Тексты песен, стихи, написанные узниками ГУЛАГа
с 1937 по 1942 г., записанные Гросблат Е.С. по памяти.

Нас поместили в вагоны, кажется, 3 ноября. Я говорила: «Нужно выполнять план, места освобождать для новых жертв в Бутырках», а пути все заняты — и мы стояли двое-трое суток. Чуть двинулись, опять стоим. Мимо же проходят бесконечные составы.

Мы: «Откуда вы?»

Они: «Одесса, Киев». Из разных городов были.

Проходил мимо нас состав с техникой. На каждой платформе машина грузовая, а на ней водитель. Спрашивает: «Кто вы?»

Мы: «Мы жены, нас за мужей посадили, мы детей оставили».

Он: «У меня недавно жена умерла, осталось пятеро детей, я думал, что нет худшего горя, но ваше горе еще хуже».

Я до сих пор не могу спокойно вспоминать его слова.

В вагоне было еще теснее, чем в камере. Совершенно впритык друг к другу.

Вдруг команда: «Собираться из вагона».

Идем вдоль состава. Я заглядываю налево в окна, не увижу ли Адама. Вдруг справа слышу: «Женя, я здесь».

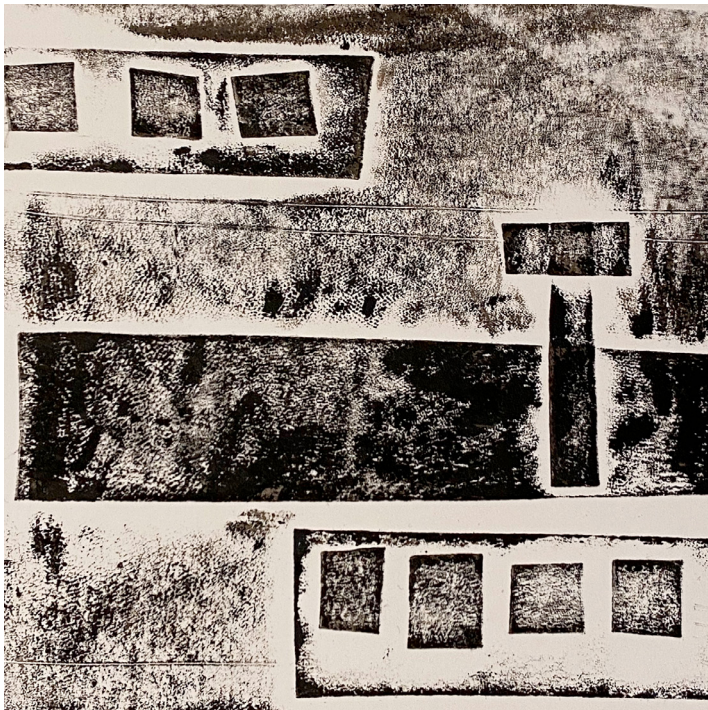
Я как вкопанная, остановилась посмотреть, в чем он. Так как ушел в дождевике. Он в тюремной солдатской куртке.

Конвой мне: «Не останавливаться, стрелять буду!»

Так и разошлись...

Лошадка

П е р р о н

Оказывается, нас поменяли вагонами, еще две женщины встретили своих мужей. Может быть, начальник поезда был такой порядочный и ради нас произвел этот обмен вагонами. Я говорила своим «компаньонкам»: «Если бы в кино такую картинку встречи показали, многие бы плакали, а мы все спокойно воспринимаем, как будто так и надо».

Потом я добивалась подойти к окну (эту позицию твердо занимали «урки»).

Я прошу начальника поезда, как ни странно, он подошел, и я передала для мужа свою вязаную кофту (перед тем долго взвешивала, могу ли я ее отдать), кажется, какао и сахар (из бутырского ларька). В ответ начальник поезда приносит мне обратно эту кофту, настоящую подушку Адама и кусочек мыла.

Я не то сказала, не то написала, что мне подушка не нужна, и вернула ее. А сама с завистью смотрела на тех немногих, у кого чудом оказалась подушка.

Потом я еще пыталась передать сахар, но уже ничего не получилось, наверное, их перевели в другой поезд...

Высадили нас в Томске, кажется, 21 ноября. Пошли наши бабоньки, кто в босоножках, кто в жакеточках.

Томская тюрьма. (Место, куда этапировали Евгению Гросблат до перемещения в Томский лагерь.)

Голод. Хлеб с перебоями. Суп гороховый без гороха. Правда, была баня, где я увидела обслуживающего мужчину, совершенно желтого цвета лицо, и его, кажется, водили к зубному врачу.

Приходила комиссия, женщины просились в Нарым.

(В приговоре было «Нарва»). **Нам говорят: «Нет сообщения».**

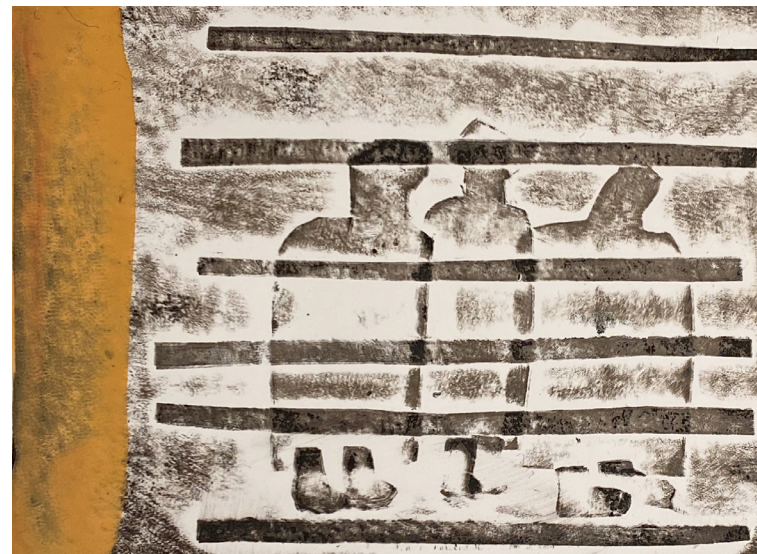
(Нарым — село в Томской области. Нарымский край был известным местом ссылки еще в царской России, в 1930-е гг. туда стали отправлять раскулаченных крестьян на спецпоселения. В Нарымском крае были детские дома, детские сады и ясли для детей репрессированных родителей.)

Они: «Мы в тапочках согласны пойти».

В ответ: «Советское государство вам не может доверить воспитание ваших детей».

Мы все думали, что умрем с голода. Вдруг 12 декабря нас переводят в Томский лагерь. Тогда было впервые открытие Верховного Совета. Мы думали: теперь разберут наши дела, и нас отпустят.

Лагерь состоял из четырех бараков, расположенных в один ряд. Вдоль них «Бродвей», где мы, все 2000 жен, прогуливались между бараками и «зоной» (то есть запретная полоса, где нельзя передвигаться заключенным), рядом ограда, сквозь которую мы видели детей 12 лет, сидящих в камере.

Томск

Работы

Одно время не было высокой ограды, и они прибегали к нам в лагерь, где стояли бочки с отходами (остатками нашей пищи), и жадно это поглощали. После этого стену перестроили. Сзади вдоль бараков была какая-то тропочка, которую окрестили «менструальный переулок», — там стирали.

Работы нам никакой не давали, только набрали желающих и умеющих для кухни — готовить, и врачей для поликлиники. В одном бараке были «матеря» — человек 50, которые сами пришли с грудными младенцами или там рожали. У них были кровати. Когда в 39 году стали приходить письма и все с азартом слушали письма друг друга, то и подростки дети 2–3 лет стали играть в «письма», глядя на нас. Когда прибыли в лагерь в декабре 1937 года, нам разрешили писать письма. В ответ приходили грузовики, переполненные посылками. Начальник тюрьмы сказал: «Тюрьма никогда не видела такого количества посылок».

Но на этом вся переписка и закончилась. Я увидела на своей посылке почерк своего отца и была счастлива, что он жив, так как я его оставила дома с воспалением легких. Года полтора никаких писем. Дома думали, что я пропала. На все их запросы ответа не было. В 1939 году мама послала на пробу 20 рублей, которые я получила.

ГМИГ КП-692 Д-302. Воспоминания Гросблат Е.С. 1960–1980-е гг.

Это мы, ваши жены, подруги,
Это мы свои песни поем.
Из Москвы по Сибирской дороге
Вслед за вами этапом идем.
Прочитали в Бутырках наш приговор,
Дали каждой жене восемь лет.
И, вручивши конвою пакеты,
Повезли нас по сто человек.
Было тяжело в холодной теплушке,
Ели только мы рыбный кондер.
У конвоя просили мы свечку,
Вспоминая былой свой задор.
И в осенние долгие ночи
Вспоминали минувшие дни,
Как мы, верные дочери Родины,
Прошли боевые пути.
По суровым советским законам
Отвечаем за наших мужей.
Потеряли мы труд и свободу,
Потеряли любимых детей.
Мы не плачем, хоть нам и неможется.
С верой твердой мы всюду пойдем.
В любой край страны необъятной
Мы свой пламенный труд понесем.
Этот труд даст нам право на волю.
Снова примет страна нас как мать.
Знамя Ленина — Сталина будет
Нам жизненный путь освещать.
4–21 ноября 1937 г.
Москва — Томск

ГМИГ КП-704 Д-312. Тексты песен, стихи, написанные узниками ГУЛАГа
с 1937 по 1942 г., записанные Гросблат Е.С. по памяти.

Надзирающий

Кусочек мыла

Письма Адама к семье

5 июня 1943 г.

Женюрка, родная моя!

Вчера получил три письма от тебя и Ирочки. До этого получил их целую кучу (февральские преимущественно) и две телеграммы. Как появятся денежки, так отвечу. Я живу опять на старом месте. Ты намекнула, что куда-то писала по моему делу. Единственная надежда: 47 год и конец войны, а до этого придется еще терпеть и страдать. Три колымских зимы нужно еще пережить. Крепко обнимаю, твой Адам.

Мишенька, родной мой! Научи Женю, что можно сделать, чтобы меня вырвать отсюда куда угодно, только бы подальше с этой Колымы. 6 лет кончаются. Когда конец моим страданиям?

1 июля 1944 г.

Ирунька моя!

Вот еще год пролетел. Каждый минувший год является годом отживших страданий и новой отметкой в моей «десятилетке», выполнять которую приходится с такими мозолями и страданиями. Что там впереди — один Аллах знает, а пока, детка, проходят наши годы и нет возможности определить, было ли счастье сзади, в прошлом, жил ли я вообще... Кажется, что эти семь лет все заслонили и набросили тень на прошлое, и не стало его, не было ничего светлого. Выпадет ли нам счастье еще счастливо прожить. Конечно, война кончится, и должно все к лучшему измениться. Будем жить надеждой. На этом звуке много жизней держатся. Но именно все надеемся, что завтра будет лучше. А жизнь — это борьба, а борьба — жизнь, опять надежда. Моя надежда — это конец войны, следовательно — работа с засученными рукавами, восстановление, стройки, дворцы, социалистические города, здравницы, дороги, все, что головы и мозги человеческие смогут придумать. Это будет такая эра, какой культурный мир не видел ни во сне, ни наяву. Памятники этой эры на много тысячелетий многим поколениям будут передавать про героизм XX столетия, про первое в мире, первое под солнцем социалистическое государство, прошедшее испытание войной, взросшее, достигло того периода в тысячелетиях, которое превратило весь земной шар в коммунистическое общество, не понимающее на деле, что такое войны, голод, шовинизм. Так, Ирунька! Начнем же нашу жизнь сразу после войны. Будь здорова, Ирунька, учись и надейся. Люди должны быть только оптимистами. Пиши. Твой папа Адам. Крепко целую.

ГМИГ НВ-139. Перепечатка рукописных писем А.С. Гросблата из лагеря жене (от 05.06.1943 г.) и дочери (от 01.07.1944 г.).

А д а м

Военная Коллегия
Верховного Суда
Союза ССР

11 мая 1955 г.

№ 4Н-02257/55

Москва, ул. Егорьевского, д. 13.

СПРАВКА

Дело по обвинению ГРОСЕЛЯТА Адама
Самойловича-пересмотрено Военной Коллегией
Верховного Суда Союза ССР 7-го мая 1955 года.

Постановление Особого Совещания от
15-го сентября 1937 года в отношении ГРОСЕЛЯ-
ТА А.С. отменено и дело за отсутствием состава
преступления производством прекращено.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВОЕННОЙ КОЛЛЕГИИ
ВЕРХОВНОГО СУДА СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ

А. Чепцов

/А. ЧЕПЦОВ /

ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ
МОСКОВСКОГО
ВОЕННОГО ОКРУГА

8 декабря 1955 г.

№ Н-4329/ос

г. Москва, Арбат, 37

СПРАВКА

Дело по обвинению ГРОСЕЛЯТА (ГРОСЕЛЯТ)
Евгении Соломоновны, 1900 года рождения, пере-
смотрено Военным трибуналом Московского
военного округа 8 декабря 1955 года.

Постановление особого совещания при НКВД
СССР от 15 октября 1937 года в отношении
ГРОСЕЛЯТА (ГРОСЕЛЯТ) Е.С. отменено и дело о ней
прекращено за отсутствием состава преступления.

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО ТРИБУНАЛА МВО
ПОМОЩНИК ЮСТИЦИИ

Н. Турин

(Н. ТУРИНОВ)

ат

Авторский коллектив выражает искреннюю благодарность коллегам из Музея истории ГУЛАГа, без помощи которых проект не смог бы осуществиться:

Константину Андрееву
руководителю Образовательного центра

Марии Лоцмановой
руководителю Центра документации

Илье Удовенко
старшему научному сотруднику

Татьяне Полянской
кандидату исторических наук, старшему научному сотруднику

Наталье Карпухиной
главному хранителю

Ольге Булатновой
заведующей сектором учета отдела учета и хранения фондов

Олесе Евтеевой
научному сотруднику отдела учета и хранения фондов

Анне Стадинчук
заместителю директора по развитию

Кристине Танис
PR специалисту

Артему Готлибу
заместителю директора по общим вопросам

Анне Веселовой
ведущему специалисту отдела правового обеспечения

Светлане Пуховой
руководителю издательской программы

Кириллу Горбунову
графическому дизайнеру

© Леонид Григорян, 2020

© Музей Истории ГУЛАГа, 2020

© Фонд Памяти, 2020

© Цех Книги, 2020

вопрос: Следствием располагает ли материал
он, что при сборниках у Вас на квартире
вашей и вашего мужа присутствовали
разговоры контр-революционного характера.
подтверждаете ли вы это?

ответ: Сборники у меня на квартире не
также и разговоры контр-революционного
характера. Уточ

вопрос: Следствием располагает ли материал
или о том, что Вам было известно о
контр-революционной работе Ваших друзей
или по этому поводу подробные сведения
ответ: О контр-революционной работе моего
никогда не было известно. Уточ

вопрос: Следствием известно, что вы ра-
зговаривали контр-революционные взгляды ваши
и вместе с ними были контр-револю-
ционную работу. Подтверждаете ли вы это
ответ: Нет, я этого не подтверждаю. Уточ

вопрос: В чем выражалось ваше участие
контр-революционной работе?

ответ: Участвие в контр-революционной
работе я не принимала. Уточ

вопрос: Вы обвиняетесь в том, что